

ТАМ — ЗА РИТУАЛОМ...

Если вы не увидели этот театр в Москве, быть может, успеете в Киеве

Наталья Чернова

Гастроль

ФРАНЦУЗСКИЙ культурный центр в Москве из года в год демонстрирует нам целый хореографический проект.

Вначале был экран — два фестиваля видео- и кинофильмов, выхвативших из пестрой, постоянно меняющейся хореографической жизни Франции имена тех, кто определил ее контекст в последние десятилетия. Фестивали оказались своеобразным прологом к самому «действию». Приехали и показали свой спектакль Катрин Диверес и Бернардо Монте. После первого антракта возникла Карин Сапорта. Сейчас, после второго перерыва, ее спектакли сменила программа Анжелена Прельжокажа «В честь балетов Дягилева».

«Парад» на музыку Сати, «Свадебка» Стравинского, «Видение розы» на музыку Вебера (ее в свое время использовал Фокин) заставили подумать о том, какие же они разные, три приехавших к нам хореографа. И — насколько отличен от Бернардо Монте и Карин Сапорта Анжелен Прельжокаж. Будто интуитивно почувствовав возникшую тягу к простоте изложения, повествовательности, сценической образности, театральной режиссуре хореографического действия, хореограф предлагает нам новые условия их существования.

Главное выразительное средство его спектаклей — современный танец.

Знаменитый «Парад», прославившийся когда-то декорациями Пикассо, постановщик увидел как свободное фланирование персонажей по сценической площадке. Грань между бытом и искусством почти незаметна, но она есть. В танце распадаются элементы шага, бега, акробатики, спорта — всего того, что составляет искусство цирка, что родилось на площади, прежде чем замкнуться в театральной зале. Прельжокаж любит соотносить внешне и внутреннее. Сюжеты его балетов практически на этом построены. Об этом его версии

«Свадебки» и «Видения розы».

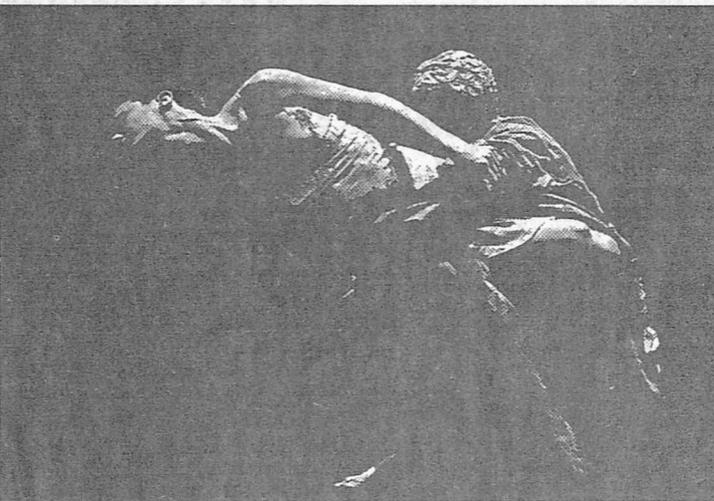
«Свадебка» — о форме обряда и о том, что за ней стоит. Юноши и девушки в современных одеждах то подчиняются генетически заложенному в них ритуалу, то вспарывают его резкой динамикой движений. Скамейки обрабатывают роль то помоста — Голгофы, то брачной постели, то нерушимой стены, разделяющей пары. Статичные белые пятна венчальных платьев — метафора законности, плена, статичности. Свет то создает ощущение полумрака, то ярко, мертвенно выхватывает человеческую фигуру.

Юноши и девушки образуют пары, каждая будто повторяет происходящее с другими, множит его. И у каждой — своя «судьба». Замирают фигуры танцовщиц, и мужчины бешено крутят свадебные женские одежды, создавая ощущение динамики эпизода.

Неподражаемая «Свадебка» Брониславы Нижинской была полна тревожного ожидания, таинство соединения читалось в ней как мистический акт. Двери, рас-

шедевр и занял в нем Карсавину с Нижинским, критика писала о духе розы, о ее опьянившем заснувшую после бала девушку запахе. В постановке сценическая площадка разделена на два пространства. В одном в реальности встречаются две пары в закрытых строгих костюмах. Все строится на жестях, недомолвках. В другом пространстве — пара в балетной одежде. Парик мужчины напоминает парик Нижинского. Эта пара ведет свой диалог чувств, естественных желаний. Томление, разлитое по сцене в фокинском балете, обрело плоть Эроса во втором пространстве Прельжокажа.

В балетном театре прием, использованный Прельжокажем в «Видении розы», не нов. Много лет назад, например, в «Иоанне Тентате» Май Мурдама сочинила хореографический квартет священника Сирина и монахини Иоанны. Начинаясь он как два дуэта — одетых в монастырские одежды влюбленных и двух обнаженных танцовщиков, во-

Видение розы

крывавшиеся перед невестой и женихом, отворяли путь к вечным таинствам бытия и закрывались перед гостями, к ним не причастными. В финале новобранцы уходят, обнявшись. Все вечно и полно сиюминутного смысла. Взаимоотношения формы и живого порыва воплощает Прельжокаж и в своей версии «Видения розы». Когда Фокин создал свой

площавших подлинный смысл диалога.

Но ведь все дело не в том, что, а в том, как. В спектаклях Прельжокажа все режиссерские решения подчинены танцу, его выразительным возможностям. У него своя лексика, свои пластические ритмы, своя любовь к сюжету, лишенному литературной иллюстративности, свой Театр танца.